

ИМЯ БОГА

Рассказ

Более загадочного человека, чем Адам К., я не встречал в своей жизни. Я давно уже не имею никаких сведений о нем, и, признаться, не очень-то об этом и жалею. Мы познакомились в середине 90-х, на художественной выставке. Там была картина: аквалангист, напоминающий Адама со знаменитой фрески Микеланджело, погружается в протоплазму человеческой клетки – куда-то туда, где идет уже деление на молекулы и атомы. Я подумал... а кто-то за левым плечом повторил мою мысль:

- Божественная сущность, стремящаяся к нулю!

Я обернулся, встретил цепкий, но дружелюбный взгляд лысеющего со лба молодого человека, худощавого, сутуловатого, в мятой одежде.

- Вы угадали мою мысль!

Он снисходительно улыбнулся. Много позже я узнал, что наши мысли совпали лишь в одной точке, как пересекающиеся линии. А тогда мы разговорились – сначала о живописи, потом о литературе, и продолжали разговаривать, выйдя наружу.

Адам увлекался структурализмом. Он утверждал, что это один из самых древних литературных приемов.

- Возьмите Библию. Рассказ в Пятикнижии ведется от Бога, именуемого то в множественном числе: Элохим – «боги», то в единственном – Яхве, «Господь». И это неслучайно. Если разделить тексты, связанные с Яхве и Элохимом, то получится два отдельных повествования, каждое из которых последовательно и цельно.

- А что это даст? Изменится смысл, что ли?

- Конечно! Библия – книга с бесконечным количеством смыслов. «Яхвиста» и «Элохвиста» можно читать параллельно, можно один за другим, можно в шахматном порядке, можно с конца... Представляете?

- Да-а...

- Но это самый простой способ изучения Писания, когда оперируют текстами, а в Библии каждое слово, каждая буква являются единицами смысла. Едва ли Бог хотел, чтобы в Священной Книге были лишь простейшие смыслы. В магической книге иудеев «Сефер Йетцира» сказано: «Господин Вселенной совершил с Авраамом договор между десятью пальцами ног, этот договор есть обряд обрезания, а другой – между десятью пальцами рук – договор языка. Он прикрепил двадцать две буквы к своему языку и открыл ему их тайну. Он опустил их в воду, поднял – в огонь, бросил – на воздух, зажег их в семи планетах и излил в двенадцати небесных знаках». Каждая буква имеет магическое значение, а новые сочетания букв рождают новые символы. Поэтому мудрецы стали читать Писание, меняя буквы.

- Как это – меняя буквы?

- Подобно Пятикнижию, древнееврейский алфавит можно поделить на две части, верхнюю и нижнюю, и каждой букве из «верхнего» алфавита найти соответствие в «нижнем».

- Как это?

- Как в простейшем шифре! Ну вот соответствует же в русском языке звук «б» звуку «п», «в» - «ф», «г» - «к»... Пометим буквы «б» и «п» цифрой 2, «в» и «ф» – цифрой 3, и так далее. Теперь представьте, что вам надо послать записку своему отцу, но вы не хотите, чтобы кто-нибудь прочитал ее. И вы вместо согласных из «нижнего» алфавита используете согласные «верхнего». И пишете, скажем: «Баба!» Но отец ваш, зная этот шифр, читает, как нужно: «Папа!». Разумеется, я упростил для наглядности. На самом деле магический метод чтения Библии больше поход на расшифровку тайнописи в «Золотом жуке» Эдгара По.

- И вы серьезно полагаете, что надо читать так Библию?

- Еще как серьезно! Сотни тысяч людей так читают. И не только справа налево, как положено, но и слева направо, потом снова справа налево, сверху вниз, потом снизу вверх... Двадцать две основных буквы, учит «Сефер Иетцира», размещены на сфере, каждой дано цифровое соответствие: первые девять букв соответствуют простым числам, следующие девять – десяткам и так далее. Таким образом, число цифровых выражений букв вырастает до девяност. Но надо уметь ими пользоваться, ибо сказано: «Круг, их содержащий, может вращаться правильно, и тогда это означает счастье, или в обратную сторону, и тогда получается несчастье». Видели когда-нибудь вращающиеся круглые календари, рассчитанные на сто и больше лет? Первый круг – дни недели, второй – название месяцев, третий – число дней в месяце, четвертый – годы. Все это надо совместить, чтобы точно узнать дату или день недели. Но можно и не совмещать: и тогда перед тобой – просто слова и цифры. Точно так же обстоит дело с простым и магическим чтением Библии.

- Но это же безумно сложно! И для этого нужно знать древнееврейский!

- Конечно! Вот я сейчас изучаю иврит на курсах «Сохнут».

- Каковы же результаты этой грандиозной работы? И если они есть, то почему о них никто не знает?

Адам остановился, насмешливо поглядел на меня.

- И не узнает. В познании Книги книг каждый продвигается в одиночку. И если кому-то что-то открылось – значит, послание предназначалось именно ему, и никому больше. Писание бесконечно, и у него бесконечно много значений, хватит на всех. Каждая стадия познания соответствует определенной стадии духовного развития человека. Но все значения постичь невозможно. Ты можешь познать мало, можешь много, но никогда – всё. Познание не цель, оно – средство.

- Да-а... Это же целая наука! – удивлялся я. – А я об этом ничего не читал.

- Да, у нас об этом мало пишут, - кивнул Адам, - если не считать Аверинцева. Из переводов есть книга Папюса, лекция Борхеса о каббале... Но вообще люди занимаются каббалой начиная с Авраама, а первые книги о ней написаны в третьем веке нашей эры.

- Занимаются *чем?* – насторожился я.

От Адама не укрылось мое секундное замешательство. Он улыбнулся, проницательно глядя на меня.

- Каббалой. Это слово многих отпугивает. Вот и вы насторожились. Вы подумали, наверное, что-то о колдовстве, оккультизме или черной магии. А каббала значит – предание, традиция. Или, буквально – принятие, получение. Каббалисты, в сущности, первые структуралисты. Они изучают и толкуют Библию, а не летают верхом на метлах. Кто-то взял и пустил слово «каббала» в газетный обиход, с добавлением уничижительного суффикса «ик – «каббалистика», - чтобы люди сразу шарахались. Так в свое время было с «достоевщиной». Вроде бы имелись в виду неумелые подражатели, а на самом деле бросалась тень не самого Достоевского.

Действительно, из того, что было связано в моей памяти со словом «каббала», я не мог выловить ничего мало-мальски похожего на то, что рассказывал Адам. Придя после нашего разговора домой, я полистал справочную литературу и не нашел в коротеньких заметках о каббале и намек на ее метод. «... Еврейское мистическое учение, в основном посвященное толкованию Ветхого Завета»... «Каббала представляет собой пеструю смесь иудаизма, халдейской теологии, греко-арабской философии, воззрений христианских сект и ислама». Остальное – понимай, как хочешь! Правда, одна фраза в энциклопедии заставила меня снова насторожиться: «Возникшее в 18 веке движение хасидизма в значительной степени зиждется на каббале». Хасидизм... Год или два назад по телевидению показывали репортажи о безобразиях, которые устраивали в Ленинке люди с пейсами и в круглых шапочках, называвшие себя хасидами. Кажется, они требовали отдать им манускрипты какого-то Шнеерсона...

Но вообще, все, что рассказывал Адам, было необыкновенно интересно. Я как будто посмотрел на привычную плоскость книжной страницы в мощный микроскоп. Она вдруг обрела объем, перспективу, края затерялись в бесконечности... Однако, как ни доходчиво объяснял Адам, он начинал как-то темнить, подходя к главному: в чем смысл каббалистического метода? Что все-таки открывается в результате изоциренных текстологических манипуляций? Я всегда испытываю щекочущее чувство неудовлетворенности, не выяснив что-то до конца, а словоохотливый Адам, судя по всему, время от времени нуждался во внимательном слушателе. На этой почве мы и сошлись.

Чаще всего мы встречались у Адама, в его однокомнатной квартире. Жил он один, как-то неустроенно, даже грязновато, хотя и вовсе не бедно. Книг у него, как и следовало ожидать, было великое множество; некоторые лежали у стен, связанные в пачки. Адам, как я понял по отдельным намекам,

в ближайшем будущем собирался отбыть на постоянное место жительства в Израиль.

Он читал мне собственные переводы из каббалистических книг «Сефер Иетцира» и «Зогар». Это было нечто среднее между магической геометрией и астрологией. Некоторые куски на меня произвели впечатление, особенно тот, где говорилось, что Бог вырубил большие столбы из воздуха: «Он создал нечто из хаоса и из ничего сделал нечто, и вырубил большие столбы из воздуха необъятного, и вот знак: одна буква – со всеми и все – в одной. Он смотрел, перемещал и сделал все созданное и все слова одним способом и знак этому: двадцать два предмета в одном теле».

Мне не нужно было подталкивать Адама к разговору о каббале, он сам неизменно все сводил на эту тему, даже если начинал говорить о чем-то другом. Поначалу ничего принципиально нового, по сравнению с первым разговором, я от него не услышал. Прорыв произошел месяца через три после нашего знакомства. По-видимому, Адам к тому времени уже сильно втянулся в каббалу.

- Ты спрашивал, какова конечная цель каббалистического метода. Об этом не принято говорить прямо, но ты был внимательным слушателем и достоин узнать. Всё Пятикнижие, - заявил, блестя глазами, - является гигантским шифром для четырех букв, из которых состоит имя Бога. Оно называется по-гречески тетраграмматон. Мы знаем, как оно пишется. – Адам взял лист бумаги и написал справа налево: «יהוה». – Видишь? Звучит это примерно так: «йуд-хэ-вав-хэ». По-русски обычно переводят – Яхве, Иегова. Но мы не знаем, как точно звучит имя Бога: ведь в иврите нет гласных. При произношении согласные просто разделяются произвольным горловым звуком. Это, как если бы ты мог произносить слово «Бог»: «Буг», «Бег», «Биг» – и так далее. А в переводной еврейской религиозной литературе оно пишется через дефис: «Б-г». Между тем, по древнему еврейскому преданию, тот, кто правильно произнесет тетраграмматон, получит ключ к божественному знанию. В древности посвященные раввины иногда передавали тайну произношения своим ученикам. Но после разрушения храма и рассеяния евреев эта традиция была нарушена. Есть и другой, куда более сложный способ получить божественное знание. Надо расшифровать Пятикнижие, перемножив и поделив в правильном порядке все числовые соответствия букв в книге, чтобы, как при решении уравнения со многими неизвестными, в итоге осталось цифровое значение слова «йуд-хэ-вав-хэ» – 26. И лишь тогда, гласит предание, когда все значения сойдутся, ты произнесешь имя Бога правильно. Теперь, с появлением компьютеров, - он кивнул на мигающий экран своего «Пентиума», - задача вроде бы упростилась. Но как найти правильный порядок решения? Указание на это ищут в «Сефер Иетцира» и «Зогаре», - для этого они, собственно, и создавались. И я, - торжественно произнес Адам, пристально глядя на меня, – кажется, нашел. Слушай, - он открыл тетрадь и прочел: – «Два камня строили два дома, три – строили шесть домов, четыре строили двадцать четыре дома, пять – строили сто двадцать домов, семь – строили пять тысяч сорок домов.

В силу этого, иди и считай то, что рот не может выразить, то, что твое ухо не может выслушать». Так прямо сказано: «иди и считай»! И даны последовательные математические соотношения: два к двум, три к шести, четыре к двадцати четырем, и так далее. Осталось лишь понять, что на что делить. У меня уже есть догадки на этот счет.

- Прямо-таки теорема Ферма, - сказал я с почтением, почесав «репу». – Но получается, перед тобой чисто математическая задача? А как же новое прочтение Библии, расшифровка ее тайных значений?

- А, - погрозил пальцем Адам, - хитрец! Всё ему расскажи! Ты что думаешь: каббалисты ходят друг к другу и делятся своими открытиями? Божественное знание предназначено для одного, а не для всех. Впрочем, у тебя, кроме меня, нет знакомых-каббалистов, и ты не знаешь иврита. Так и быть, слушай. Я думаю, указанные математические прогрессии одновременно являются и ключом для расшифровки Библии. Всего соотношений шесть, по числу лучей «звезды Давида». Берем первое: «Два камня строили два дома». Обрати внимание: это не математическое тождество, ибо два камня не равны двум домам. Поэтому сразу отказываемся от соблазна прочитать первые две буквы Пятикнижия так, как они написаны. К цифровому значению этих букв прибавляем двойку и полученную сумму делим надвое. Например, сумма числовых соответствий букв «вав» и «йуд» – шестнадцать, прибавляем два и делим надвое: получается девять. Первая буква найдена. Это – «тет». Дальше: «Три камня строили шесть домов». Берем следующие три буквы, прибавляем к их суммарному цифровому выражению тройку и делим на трое. И так далее. По завершении шести действий начинаем все сызнова. А потом, если буквы станут складываться в слова, читаем. Я уже начал эту работу. Признаюсь, пока по смыслу получается что-то весьма мрачное...

- Ну, работка! – воскликнул я. – Значит, если ты сделаешь всё это, то сможешь правильно произнести тетраграммотон. А что, если не секрет, тебе даст полученное божественное знание?

- Узнаю русского человека! – воскликнул Адам. – Прямые вопросы, на которые надо давать прямые ответы! Готов ли ты слушать сии ответы, пылливый славянин?

- Всегда готов, - пробормотал я.

- Тогда слушай. Мир был создан одним только словом – «свет». Я тоже могу произнести: «Да будет свет», но ничего из этого не получится. Дело опять-таки в произношении. – Он помолчал и добавил, остро глянув на меня. – Если я сумею правильно произнести имя Божье, я стану равен Богу. Я создам свой мир и вдохну жизнь в голём – человека.

Я опешил. Какой мир? Какой голём? Сдвинулся он, что ли, на своих расшифровках?

Адам, с понимающей улыбкой поглядывая на меня, рассказал мне несколько преданий, как на лбу фигуры, вылепленной из глины, раввин или его ученики писали слово «жизнь», потом произносили тетраграммотон, и она оживала. Побасенки эти не произвели на меня впечатления. Одно дело

каббалистическая космогония, таинственные мистические шифры, другое – бредовые фантазии полуграмотных, фанатичных цадиков-хасидов (я уже кое-что почитал о них). Я сказал это Адаму. Он исподлобья посмотрел на меня (раньше мы не спорили; я слушал его, открыв рот), и ответил, что и то, и другое суть божественные эманации.

- Вот как? А мне кажется, что оживление глиняных истуканов все же ближе к черной магии.

- Витя, ты разбираешься в черной магии? – язвительно осведомился Адам. – Каббала учит, что Вселенная является делом рук несовершенного Божества, доля божественности которого стремится к нулю. – (Я насторожился, какое-то воспоминание ворохнулось в моей памяти). – Поэтому созданный им мир несовершенен, а порой и ужасен. В сущности, он – антипод Бога, Первоначального Существа, называемого по-еврейски Эн-Соф – Бесконечная Пустота. Оно бесконечно, стало быть, непознаваемо. Как же можно из Бесконечного и Непознаваемого создать что-то конкретное и материальное? Мы неизбежно приходим к выводу, что Бог не может создавать мир из самого Себя, ибо, в отличие от нас, не существует во времени и пространстве. Ему необходим ряд перевоплощений, в каббале они называются сферическими истечениями, сефирот-эманациями. Чтобы тебе было понятно, как они действуют, приведу в пример то место из Библии, где рассказывается о сотворении мира. Появлению человека предшествовало появление «скотов, и гадов и зверей земных по роду их», появлению скотов – рождение рыб, пресмыкающихся и птиц. А прежде чем приступить к созданию животного мира, Господь разместил светила на тверди небесной. Перед этим Он сотворил сушу и насадил на ней траву и деревья. Для того же, чтобы появилась суша, Ему потребовалось отделить воду, «которая под твердью, от воды, которая над твердью». Но всему этому предшествовало, как я уже говорил, рождение света с помощью одного только слова «свет» и отделение света от тьмы, - то есть деяния нематериальные. В начале было Слово, исполненное духа жизни, оно стало материей, из материи Бог произвел жизнь, а из жизни – различные формы жизни. Это и есть принцип действия десяти сефирот-эманаций, возникающих одна из другой, как части складной телевизионной антенны. Но Божественное неизбежно убывает на пути от Слова-жизни к человеку. Мы являемся отражением Яхве, но отражением перевернутым и маленьким, словно в камере-обскуре. Мир Яхве вмещает в себя и эту, с позволения сказать, камеру-обскуру (мы называем ее Вселенной), и нас, и наш материальный мир, и преисподнюю. Постигая имя Божие, мы выходим на свет из темноты космической камеры. Мы обретаем возможность создавать жизнь из духа жизни, как и сам Господь. При чем же здесь черная магия?

- Я Божественный промысел принимаю, - сказал я, - но в нем ощущается соразмерность, которую, мне кажется, ты утратил, смешав философию и мрачные сказки хасидов.

Адам поморщился и отвернулся к своему «Пентиуму».

- Не следует с такой самоуверенностью судить о вещах, о которых имеешь лишь приблизительное представление, - промолвил он.

Это меня задело. Вряд ли Адам избрал бы меня в слушатели, если бы видел, что я ни хрена не понимаю, но стоило мне один раз возразить ему, как он, типично по-еврейски, намекнул мне, что я невежда. Однако серьезно задуматься над затронутыми в тогдашнем споре вопросами меня заставило не это замечание, на которое Адам, как человек, собаку съевший на каббале, вообще-то имел право, а воспоминание об одновременной мысли, предшествовавшей нашему знакомству. Я-то, конечно, употребил ее в отрицательном смысле, а Адам, оказывается, в положительном. Мы сблизились, собственно, благодаря этой мысли, но мой незначительный духовный опыт, приобретенный до знакомства с Адамом (увлечение Гоголем и Достоевским), отвергал его трактовку Божественной сущности. Наши воззрения были прямо противоположными – как пересекающиеся, но расходящиеся прямые, как треугольники Давидова щита, направленные вершинами вверх и вниз. Так что отнюдь не уязвленное самолюбие руководило мной, когда я взялся на бумаге возражать Адаму, а мое еще только набирающее силу личное мировоззрение, доверчиво принявшее когда-то адамову каббалу.

Поначалу я просто хотел написать Адаму письмо, но быстро понял: простым посланием здесь не ограничишься. Адам был более образован, обладал несомненными философскими и литературными способностями, умел, в духе Сартра, с помощью остроумного сравнения – каббалистического метода с вращающимся календарем, Вселенной с камерой-обскурой, сефирот-эманаций со складной антенной – дать наглядное представление об очень сложных вещах. Для того, чтобы спорить с ним на его уровне, следовало не просто критиковать концепции Адама и каббалистов, а выдвигать свои, чего мне раньше на бумаге делать не приходилось. Я всегда считал себя философом, но философствовал преимущественно наедине с самим собой, будучи сам себе и Сократом, и Платоном.

Работа затянулась на две недели: получилось целое исследование. Я назвал его «Свобода и каббала». Оно открывалось эпитафией из «Моцарта и Сальери»: «Музыку я разъял, как труп. Поверил / Я алгеброй гармонию». Начинать я с вопроса: почему, при внешней свободе изучения Библии каббалистами, у них полностью отсутствует свобода *понимания* происходящего в ней? Можно толковать Священное Писание как угодно, но только не в духе тысячелетиями выстраданной человечеством морали. Исследователь становится рабом буквы, забывая о духе Библии. Воззрения безымянных авторов каббалистических книг и русских мыслителей-христиан были столь же противоположными, как наше с Адамом отношение к Божественной сущности.

Ибо зло, как считают каббалисты, существует потому, что божество несовершенно, христианство же учит, что мир – дело рук совершенного Бога, создавшего человека по образу Своему и подобию. Бесконечно бедное Первоначальное Существо каббалистов, Эн-Соф, не имеет образа и подобия,

не знает ни добра, ни зла, ни свободы, ни необходимости. Оно не может ничего создать, даже если бы захотело. Невольно возникает мысль, что Эн-Соф вовсе не божество, а то, что атеисты называют *материей*. Сущность Эн-соф выражается в эманациях, материи – в развитии ее форм. Мир Яхве – антипод Эн-Соф, зло входит в мир в качестве обязательного, как в материализме, атрибута. Бог христиан бесконечно богат и бесконечно свободен, созданный им мир не похож на театр марионеток, где воля кукловода – закон. Да и может ли бесконечно богатый и бесконечно свободный создать иной мир? Разве будет он тогда бесконечно богат и бесконечно свободен? Между Богом и человеком лежит свобода. Если она кем-то нарушается, нарушается связь между Творцом и творением.

В каббале, далее отмечал я, есть то, чего русский человек никогда не поймет. Зачем биться над расшифровкой уже известного слова, а потом оживлять глиняного человека, если можно произвести на свет живое существо куда более естественным и приятным способом? Затем, что дух небытия не способен создавать жизнь тем же способом, что и дух бытия. Я приводил мнение Потебни и Проппа, которые, изучив сказки и мифы народов мира, считали, что отсутствие у героев определенных физических свойств, в частности, осязания мира бытия, есть косвенный признак нечистой силы. Таковы, например, панночка и бесы в «Вие» Гоголя: они не видят Хому Брута в освященном круге, тогда панночка дикими заклинаниями вызывает Вия, «начальника гномов» с железным лицом и веками, облепленного черной землей. Понятно, что Вий – это некий голем, посредством коего нечистая сила осуществляет осязательную связь между миром бытия и миром небытия. Каббалисты же, создавая голем, воплощают в физическом мире дух небытия, к которому тяготеет их затуманенное талмудическими криптограммами сознание. Отсюда вывод, что каббала есть отвращение человека от истины Божьей и погружение его в царство дьявола путем внешне незаметных, но «сладостных и непоправимых подмен», как выразился в своем исследовании о Блоке Даниил Андреев.

В самом деле: столь ожидаемый иудеями Мессия не принят, признан «ложным». «Круг повернулся в сторону, означающую несчастье». Духовная история богоизбранного народа окончилась, началась каббала фарисеев, распявших Бога. Творение, против которого Закон грешил, но склонял голову, в каббале начинает подвергаться сомнению. Предание гласит, что можно достичь божественного знания, перетряхивая буквы, из которых состоят слова Торы, а потом оживлять глиняных болванов! Но, перед тем как занести «предание» на бумагу, книжники распяли Богочеловека, умевшего воскрешать мертвых людей!

Я находил неслучайным, что десять сефирот-эманаций Первоначального Существа и четыре мира каббалистического Яхве заканчиваются адом. Ад был не то что бы венцом каббалистической космогонии, но ее логическим обоснованием, ибо если Божественная сущность полностью утрачивает свою силу, приближаясь к нашему миру, то какая же сила создает ад? Каббала учит, что ад, как и соседние миры, дело

рук Яхве. То есть, сотворил как Добро, так и зло, сознательно уравновесив их.

Заканчивал я мыслью: «Нет, не случайно русский народ употребляет слово «кабала» в значении «рабство»! Как это получилось? Видимо, последователи ереси жидовствующих или какой-нибудь другой ереси уже пытались познакомить верующих на Руси с каббалой. И народ наш, как всегда, кратко и точно обозначил духовную суть этого антихристианского «предания».

Работая над «Свободой и каббалой», я пару раз встречался с Адамом, но мы, словно уговорившись, молчали о каббале, беседуя в основном, как люди, не сошедшиеся в интересных вопросах, о политике. Между тем, в мои планы входило показать рукопись Адаму. Не то чтобы я хотел утереть ему нос, просто искренне считал, что он неплохой парень, но пал жертвой «сладостной подмены». Я не обольщался, что «Свобода и каббала» ему поможет, - иудаизм штука вязкая, особенно если человек собрался в Израиль, но не исключал, что несколько охладит его франкенштейновский пыл.

Итак, я распечатал работу на принтере и отнес Адаму. Он вышел ко мне какой-то взлохмаченный и чем-то озабоченный. Через плечо Адама я увидел, что в полутемной комнате его горят какие-то толстые свечи (была еврейская Пасха – Пейсах). Он поймал мой взгляд и прикрыл дверь. Объяснять Адаму долго ничего не пришлось. Он сразу протянул руку за моей папкой и сказал: «А я ожидал чего-то подобного. Почитаем. Опровержение каббалы, не так ли? Посмотрим, как ты опровергнешь Маймонида. Чаю выпьешь?» – он кивнул в сторону кухни. Чаю не хотелось, точнее, не хотелось толковать с Адамом о пустяках, а о каббале он сам перестал со мной говорить. Поэтому я распрощался.

Через неделю Адам позвонил мне.

- Что ж, это серьезней, чем я ожидал, - без предисловий начал он. – Неожиданно то, что ты подключил на помощь русскую философскую мысль, ныне едва ли существующую. С ней всегда было трудно совладать посредством логики из-за ее коронного соблазна: обещания неограниченной духовной свободы. Хотя, на мой взгляд, плоды сей иллюзии весьма плачевны – это те самые «широкие» русские люди с амплитудой колебаний от черносотенца до сталинского вертухая. Но я не об этом. Как бы ты отнесся, если бы дал я одному человечку твой труд почитать? Он как раз занимается этими вопросами и может быть тебе полезен.

- Да ради Бога.

- Тогда до встречи, - и он повесил трубку.

Я был, конечно, разочарован, ибо ожидал хотя бы спора, но Адам «не снизошел». А «человечки» его мне были безразличны: «Свобода и каббала» предназначалась не для них.

В Великую субботу, накануне православной Пасхи, я пошел в храм неподалеку от моего дома освятить кулич и крашеные яйца (в ту пору мне, человеку в вопросах веры невежественному, это казалось важнее, чем пойти с утра на субботнюю литургию). Когда я свернул на пешеходную аллею,

ведущую к церкви, путь мне преградил человек с кожаным портфелем, увидев которого, я даже испугался. Он был, как две капли воды, похож на Егора Гайдара: грузный, расширяющийся книзу, с покатыми плечами, а самое главное – с шарообразной лысой розовой головой, к которой был приклеен косой зачес взаймы, и маленькими свинячьими умными глазками на плоском потном лице. Глазки эти буквально сверлили меня. У меня даже мелькнула в голове дурацкая мысль: а что, если Гайдар пришел мне мстить за то, что в 1993 году, во время государственного переворота, ходил на митинги протеста с наклеенной на картон большой фотографией вице-премьера, по лбу у которого шла надпись: «Гайдар – мозговая опухоль ельцинизма». Но, подойдя ближе, я увидел, что у двойника Егора Тимуровича пузо поменьше гайдаровского, а нижняя часть лица крупнее и жестче. Псевдо-Гайдар этот продолжал буровить меня глазками, ни слова не говоря. Я обошел его, как обходят тумбу, и двинулся дальше. Возле церкви, особенно в дни больших праздников, бродит немало странных людей, иные даже заходят в храм, как-то диковато озираются...

Вокруг храма были расставлены столы для куличей и пасох, святили двое священников, так что дело шло быстро. В воздухе стоял праздничный запах имбиря, сахарной пудры и глазури. Искусно разукрашенные яйца переливались на солнце всеми цветами радуги. Покропили обильно и мою снесь, и меня самого. Не вытирая с лица капель святой воды, я взял свой узелок, перекрестился и пошел к воротам. И здесь... я снова увидел гайдаровского двойника. Он стоял за чугунными прутьями ограды, прижавшись к ним плоским лицом, и по-прежнему неотрывно смотрел на меня. «Гайдарчик! – воскликнул я про себя с досадой. – Чего тебе надобно?» (Это однажды при мне одна «демократка» ласково назвала Егора Тимуровича «Гайдарчиком»).

Однако, миновав ворота, ничего я Гайдарчику не сказал: с людьми, чудно ведущими себя возле церкви, лучше не заговаривать, потом не отвяжешься. Но почему он на меня пялился? Добро, был бы я хорошим верующим – к таким вечно всякие ущербные липнут, я же бывал в храме на Пасху да на Рождество.

Я решил идти, не оглядываясь, но, конечно, не вытерпел и через квартал оглянулся. Гайдарчик грузно маячил в метрах пятидесяти от меня. Теперь не оставалось никаких сомнений, что он интересуется именно мной. Выяснить отношения с ним мне по-прежнему не хотелось: а вдруг он драться полезет, прощай тогда, мой кулич и яички, простите за двусмысленность... Это был, вероятно, какой-то местный «демократ» из породы «крейзи», жертва моды на двойников. Может, и впрямь увидел меня на антиельцинских митингах с обидным плакатиком, теперь ходит за мной, психологически запугивает...

«Ну и хрен с ним, - думал я, - сейчас зайду домой, а он, если хочет, пусть стоит под окнами». Но на самом деле мне не хотелось, чтобы он стоял под моими окнами. Я зашел в подъезд, поднялся к себе, постоял в прихожей. «Посмотреть? Но, если я все время буду думать о нем, можно считать, что

его тактика принесла успех. Он же того и добивается, чтобы я нервничал». Однако я снова не вытерпел, подошел сбоку к окну, осторожно приподнял штору. Гайдарчик, стоящий внизу, смотрел мне прямо в глаза. При этом он говорил по мобильному телефону.

«Инструкции запрашивает? – похолодел я. – Выйти, что ли, дать ему по рогам?» Но тут двойник спрятал в карман мобильник и, косолапо раскачиваясь, сам двинулся в мой подъезд, открыл дверь со сломанным кодовым замком. «Та-ак». Я вернулся к входной двери, припал к ней ухом. Тяжело сопя, Гайдарчик поднимался. «Идет, Командор долбаный! Милицию вызвать?» Но я устыдился этой мысли. «Может, все-таки мимо?» – без особой надежды предположил я. Теперь я смотрел в глазок. В него вплыла рожа Гайдарчика, обезображенная еще больше благодаря нехитрой оптике. Буравчики его смотрели мне прямо в душу. Я пошел на кухню, взял молоток. Незванный гость не звонил. Я снова посмотрел в глазок. Гайдарчик стоял, глядел не мигая. Я бесшумно открыл защелку и резко распахнул дверь. Незнакомец качнулся вперед и сделал невольный шаг через порог.

- Чего тебе надо? – тихо спросил я, подняв молоток. – Почему ты ко мне привязался? Говори, или дам по «чайнику»!

- Здравствуйте, - глухо и медленно сказал Гайдарчик, косясь на мое оружие. – Вы ведь Виктор Иванович?

- Допустим. А вот вы кто?

- Кадмонов. Мне о вас рассказал Адам К. Он дал почитать мне вашу работу.

Я опустил молоток.

- А почему вы за мной ходите и молчите? Почему стоите здесь под дверью без звонка?

Кадмонов натянуто улыбнулся.

- Видите ли, мы не знакомы, но Адам показывал вас мне... и тут, вижу, вы идете по улице... Я, конечно, хотел заговорить, а потом подумал: а вдруг я ошибаюсь? Пока вы были в церкви, позвонил по мобильному вам домой – молчание. Значит, я мог и не ошибиться. Решил подождать, посмотреть, куда вы пойдете.

- А под дверью чего вы стояли?

Он вытер пот со лба широким, не очень чистым платком.

- Да как-то... неудобно было. Вы уже давно меня заметили, вот я и думал, как объясниться.

- Да лучше бы вы сразу спросили, Виктор я или нет, - засмеялся я. – Подумаешь, ошиблись бы! Зато не нужно было бы за мной ходить. Ведь я вам голову чуть не проломил. Проходите, присаживайтесь, - пригласил я его в комнату. – Кто вы, откуда?

- Оттуда, - кратко, как Никулин в фильме «Бриллиантовая рука», ответил гость. Он достал из портфеля мою рукопись и все как-то озирался.

- Гм... вы, я вижу, шутник... – озадаченно заметил я. – Только знаете, у меня еще кой-какие дела... И если я из вас клещами буду вытягивать каждое слово... Нельзя ли поконкретней, без этих интригующих «оттуда»?

- «Оттуда» – это название издательства, где я сотрудничаю, - внушительно объяснил Кадмонов. Осмотревшись наконец, он основательно расположился на стуле, поставил портфель на пол между толстеньких ног, положил мою папку на колени и прихлопнул ее короткопалой волосатой лапой.

- Ах, вот как... Оригинальное название, скажу я вам. И откуда же это – «оттуда», простите за нескромный вопрос?

- Откуда? – развел руками Кадмонов и закатил глазки. – Как вам объяснить? Отовсюду. Из космоса. Из Вселенной. Из окружающих нас параллельных миров. Из Зазеркалья. Нас интересует весьма широкий круг проблем, в том числе связанных с мистикой и эзотерикой. Мы получаем поддержку от фонда Педроса. Как я уже говорил, наш общий знакомый предложил мне для чтения вашу рукопись. А я, надо сказать, один из немногих людей, занимающийся в сфере книгоиздательства затронутыми вами вопросами. Работу вашу я нашел весьма любопытной и хотел бы поговорить с вами о ней.

- Очень рад, – пробормотал я.

- Лично я, - Кадмонов повертел шеей, словно ему мешал воротник, - не отношусь к числу критиков каббалы. Но есть критика и критика. Например, многие православные авторы критикуют каббалу бегло, как часть иудаизма. То есть сути учения они не понимают, да и не хотят. Вы же пошли дальше, констатировали некоторую близость отдельных положений каббалы к скептическому гностицизму, а то к научному материализму. Вы остро подметили отступление от принципа монотеизма в фактическом раздроблении сущности Саваофа на ряд эманаций, каждая из которых сама по себе божественна. Занятен, - его пухлые губы сложились в улыбку, - ваш пример с Вием. Но в целом вы недооценили значение и смысл того, что каббалисты называют Бесконечной Пустотой. Современные научные открытия подтвердили, что это не просто философский образ. Вы ведь читали о «черных дырах» в космосе? Ну вот. «Черная дыра» есть идеальное физическое выражение стремления Нуля к нулю во Вселенной. Что же касается филологии и философии, то напомню вам, а частности, о концепции языковых игр Витгенштейна. Он считал, что значение слова варьируется в зависимости от того, в каком контексте оно употребляется. «Значение – это употребление, - говорил он. – Границы моего мира означают границы моего языка». – Слова выкатывались изо рта у Кадмонова неторопливо и без помех, как у лектора, давным-давно запомнившего свои конспекты. – Философы, используя опыты средневековых мыслителей, вновь стали изучать не само бытие, а то, как оно является сознанию через естественный язык и другие знаковые системы. Поэтому возникла и структурная лингвистика де Соссюра и семиотика Пирса и Морриса. То же самое можно сказать и о «ключе Соломона» философа Элифаса Леви, который представлял собой иероглифический и цифровой алфавит, выражающий буквами и числами ряд всеобщих и абсолютных идей. Учение признанных во всем мире философов-позитивистов опирается на каббалу. А вы, увлекшись критикой, ограничились,

в сущности, каббалу рамками средневекового богоборческого антихристианского учения. Вот эта сознательная узость вашей работы и мешает мне сходу рекомендовать ее для издания у нас, скажем, монографией. Современная философия слишком связана с каббалой, чтобы взять ее и вот так перечеркнуть. А возьмите художественную литературу! «Алеф» Борхеса, «Игра в классики» и «Книга Мануэля» Кортасара, «Имя Розы» Умберто Эко... Христианская культура облегчила познание мира, изобразив его двойственным, поделенным на свет и тень. Но двойственность, по каббале, это всего лишь отношения внутри Троицы – как отношения катета и гипотенузы в треугольнике. В «Сефер Йетцира» сказано: «Три друга, три врага, три живые оживляют, три – убивают, а Бог – Царь верный – господствует над всеми на пороге Своей святости». Кто это – «три друга, три врага, три живые», что «оживляют»? Кто эти трое, что «убивают»? Ясно, что это не люди, а свойства, но именно на них покоится «порог святости» Бога. Вы взялись за сложнейшую тему, имея лишь простейшие представления о сверхчувственном мире. Не скрою, вы далеко продвинулись, но ваше продвижение ограничено поставленным вами же пределом. Вам нужна помощь людей, посвященных в тайны мироздания, ибо есть то, что вы не прочтете ни в каких книгах.

- А вы, конечно, один из посвященных, - улыбнулся я.

- Если угодно. И вы можете стать посвященным. Разумеется, не сразу, надо пройти степени посвящения. Но это – внутренняя, духовная работа. Ею наша помощь друзьям, конечно, не ограничивается. Скольким мы помогли выйти из неизвестности, напечатать свои книги, появится на экранах телевизоров!

- Степени? – оживился я. – Так вы что – масоны? Вот это да! Нет, знаете, я не хочу быть масоном. Я наигрался в тайные общества в детстве.

Кадмонов искоса глянул на меня.

- Вы полагаете, это игра? Мне казалось, вы лишены обывательских предрассудков. Подумайте, подумайте... У вас правильные воззрения относительно свободы, но вы ее видите не там, где она действительно существует. Что такое ваша «первоначальная свобода»? Ни о какой свободе до грехопадения Адама и Евы в Книге Бытия не идет и речи. Напротив, человеку было сказано: «от всякого дерева в саду ты будешь есть, а от дерева познания добра и зла не ешь от него, ибо в день, в который ты вкусишь от него, смертью умрешь». Какая же это свобода?

- Да та самая, первоначальная, - ответил я. – Ведь можно было вообще не сажать такого дерева. Мы говорим детям об опасностях окружающего мира не потому, что хотим ограничить их свободу, а потому, что боимся за них. Но им известно от нас, что «нельзя» – существует. Человеку было дано понятие о существовании Добра и зла, но одновременно указано, что лучше их не познавать, а быть, как дети. Я так понимаю эту притчу.

- Допустим, вы правы. Но вы в своем толковании остановились на полдороги. Между тем, чем больше углубляешься в библейский рассказ о грехопадении, тем больше вопросов. Кто же, в конечном счете, искусил

людей плодами Добра и зла – Бог или дьявол? Согласимся с общепринятым суждением, что дьявол. Но большая часть работы была проделана без него. Он не сажал этого дерева, не создавал из адамового ребра легковерную Еву. И почему тот, о котором сказано, что он «лжец и отец лжи», получил такую великолепную возможность сказать людям правду: что они не умрут, вкусив запретных плодов, что откроются их глаза, и будут они, как боги, знающие добро и зло? И почему Тот, Кто является носителем духа Истины, сказал неправду? Хотя вы и не хотите войти в число посвященных, все же я открою вам одну тайну. Адам К. уже значительно продвинулся в расшифровке Пятикнижия. Вот отрывок, который он просил меня вам прочесть.

- Любопытно. – Я устроился поудобнее.

Кадмонов достал из портфеля темную папку с вытесненным на ней семисвечником и, откашлявшись, стал торжественно читать:

- «Мир был пустотой, в пустоте был Дух, и в Духе была мудрость. Мудрость же влекла Дух к истине, как влечет далекий свет полуденной звезды. От него родился светлоликий ангел именем Денница. Он был свободен и преисполнен истины. Ему поклонялись многие ангелы. Но дух Адонаи, который носился над темной водой, не любил истины. Он запрещал ангелам подходить к Деннице.

Замыслив месть, коварный Адонаи налетел внезапно, как вихрь, со стаей ангелов-рабов, которые сломали светлому Деннице крылья и сбросили вниз. Как упал ты с неба, Денница, сын зари, разбился о землю!

И рек Денница, восстав от праха: не верь, человек убогой правде Яхве. Лети со мной, как равный, над Бесконечной Пустотой. И я открою тебе живую летопись миров, прошедших, настоящих и грядущих. Сомнение – гибель, вера – жизнь. Есть миры громадней, чем мир земной, есть создания выше, чем человек, и их число несметно. Хочешь ли быть среди них?».

Кадмонов закончил чтение и испытующе уставился на меня. «Чего он от меня ждет – восторгов, что ли?» – подумал я. Мы молчали.

- Что ж, мои предположения подтвердились, – наконец сказал я. – «Евангелие» от сатаны, не так ли? Что-то подобное я уже читал – у Байрона, что ли. Или у наших поэтов Серебряного века. Стоило трудиться над расшифровкой! Гора родила мышь. Такой литературы – вагон и маленькая тележка. А вообще – накануне Пасхи читают другие Евангелия.

- Вы не понимаете, - медленно сказал Кадмонов, по-прежнему не сводя с меня своих сверлящих глаз. – Это не литература. Это подлинный расшифрованный текст.

- Подлинный? Не стоит преувеличивать. В детстве я интересовался криптографией, на этом Адам меня и «купил». Мне довелось прочитать около десяти расшифровок знаменитого Фестского диска. Все они были абсолютно разными, что не удивительно, потому что и методики у исследователей были разными. Но какая из них была подлинной – вопрос. Не исключено, что никакая. А потом, мы, русские, всегда больше верим прямому тексту, чем тайнописи.

Мы снова замолчали. В комнате уже стемнело. Я мечтал, чтобы гость поскорей откланялся: его масонские разговоры меня изрядно утомили. Кадмонов заерзал на стуле. Я уже не различал хорошенько лица гостя, но мне показалось, что оно стало как-то странно подергиваться. Потом из груди Кадмонова вырвалось что-то вроде стога.

- Что с вами? – испуганно спросил я.

- Мне надо, чтобы пережить эту ночь... крови... - прохрипел гость.

- Чьей крови? – похолодел я.

- *Твоей!* – закричал Кадмонов.

На лбу у него засветились какие-то знаки, точно надпись у Гайдара с моего плаката. Он выхватил из портфеля тонкий кривой нож и неуклюже, тяжело переставляя ноги, двинулся на меня. До меня, наконец, дошло, кто он такой. Как ни странно, испуг мой от этого совершенно прошел. Я захохотал. Голем остановился и покачнулся.

- В чем дело? – проскрежетал он.

- Так ты просто глиняный болван, а я тут сидел с тобой, разговаривал!

Кадмонов снова покачнулся. Тут я вспомнил о вычитанном где-то случае, как раввин, считавший каббалу ересью, заклинал оживленных истуканов.

- Ты – поделка волхвов, возвращайся в свой прах! – воскликнул я.

Голем затрясся, оскалил зубы. И вдруг рука моя сама, до того, как еще успел подумать об этом, поднялась и осенила болвана крестным знаменем. В этот же миг порыв горячего ветра толкнул меня в грудь, я опрокинулся на спину, а на том месте, где стоял Кадмонов, что-то полыхнуло желтым, и он исчез, оставив после себя сильный запах то ли пороха, то ли серы. Я вскочил на ноги, но тут же снова упал – на диван.

Когда я очнулся, за окнами стояла ночь. Я поднялся и с замирающим сердцем щелкнул выключателем. Комната была пуста. «Ну и сон! Надо завязывать с этой каббалой», - подумал я, но тут увидел свою папку, валявшуюся у ножек стула, где сидел страшный гость из сна.

Откуда эта папка? Ведь Адам не возвращал ее мне! Стало быть, голем мне не приснился? Я хотел поднять папку, но наступил во что-то мягкое. Это была горка пепла. Мне снова почудился сильный запах серы. Я отдернул ногу, постоял в раздумье, потом подошел к телефону и набрал номер Адама. Он снял трубку сразу, как будто сидел и ждал у телефона.

- Слушай, - сказал я, - спёкся твой Фантомас. Не выдержал крестного знаменья, нехристь. Я только что его веником на совок собрал. Конструкция явно требует усовершенствования. Хотелось бы, например, чтобы Кадмонов-два не употреблял христианской крови.

- Ненавижу эту страну, - тускло ответил Адам. – Здесь даже высшее знание оказывается бесполезным. Сегодня я уезжаю.

- Что ж, давай. Наделаешь в Израиле болванов по десять тыщ баксов за штуку, а их будут посылать на усмирение арабов. Я так и вижу, как они идут с кривыми ножиками. Бррр!..

Адам повесил трубку. Я распахнул окно и с наслаждением вдохнул влажный весенний воздух. Пахло распустившимися почками. Край неба у горизонта уже начал светлеть. Пели ранние птицы. По тротуару шли оживленные люди. «Куда они так рано? – удивился я, но тут вспомнил: - Они из церкви идут, пасхальная служба закончилась!» Я накинул на плечи куртку и вышел на улицу. Мне попалась навстречу румяная круглощекая девушка в белой вязаной кофте и цветастом платочке. Она улыбнулась мне и сказала:

- Христос воскрес!

Я растерялся и ответил: «Воистину воскрес!», когда она уже прошла мимо. Эх, не удалось с ней похристосоваться, сожалел я. Но тут вдруг я понял, что случилось нечто более важное. Из уст этой славной девушки прозвучало, наконец, без всякой расшифровки, подлинное Имя Господа, которое мне, несчастному умнику, в спорах с Адамом не приходило в голову: **Иисус Христос.**

Журнал «Москва», 2016, № 3